

В Е Р А
Калачкава

*Телно
време души*

Вера Александровна Колочкова
Темное время души
Серия «Секреты женского
счастья. Проза Веры Колочковой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67285359

*Темное время души:
ISBN 978-5-04-166488-6*

Аннотация

«Темное время души» – это психологический роман о непростых отношениях замужней женщины Леси, которая запуталась в собственной жизни и погрузилась на темное дно. Книга помогает разобраться в себе и заглянуть даже в самые отдаленные уголки души. Писательница Вера Колочкова, умело создающая ярких персонажей, никого не оставит равнодушным, потому что она пишет о самом главном – о любви, о дружбе и о поиске себя.

Вера Колочкова

Темное время души

*Стало зрение сердца
Острее,
Если сердце прошло
Через ад...
Дорогие,
Миритесь быстрее —
Не существенно,
Кто виноват.*

*Я прошу вас,
Поймите быстрее —
В битве души
Победителей нет.
Стало зрение сердца
Острее
После всех испытаний
И бед.*

Юлия Друнина «Стало зрение сердца...»

© Колочкова В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Наглая пчела назойливо жужжала над ухом, и так хотелось окончательно разозлиться и отмахнуться от нее раздраженно — пошла прочь, зануда такая, чего привязалась!

Конечно, нельзя этого делать, понятно. Эта тварь за от-вечочкой не постоит. Но хотелось просто ужасно, до злобы!

Будто эта мелкая злоба была последней каплей, последней провокацией того, того...

А чего, собственно, того? Почему она так психует, ведь ничего плохого в ее жизни не происходит, все идет обычным порядком! Все у нее есть, что полагается для нормальной женской жизни... Муж, дом, ребенок. С работы пока не выгоняют, слава богу. Пусть и пришлось провести всю весну на удаленке по причине набившей оскомину пандемии, но ведь не одна она такая! А если уж совсем честной быть – в этой удаленке свои плюсы есть... Можно утром поспать подольше, можно больше времени себе уделить. К тому же удаленка уже и закончилась, можно на работу идти. Как говорится, на людей посмотреть, себя показать. А зачем еще благополучной во всех отношениях женщине нужно ходить на работу? Только для самоутверждения да для того, чтобы дома не сидеть, не скучать. Выходит, и это все в ее жизни есть... Все хорошо, все замечательно, и чего она в такой депресняк ударилась, ей-богу? Нет, надо как-то выходить, взбодриться...

Подняла голову, расправила плечи, прислушалась. Кажется, улетела пчела, мало ли у нее всяких дел. Можно по сторонам оглядеться... Ведь правда же, хорошо! И двор у них такой зеленый, уютный, и скамейка эта у детской площадки... Денек выдался тихий, спокойный. Солнышко в глаза ласково светит, ветер листочки на деревьях перебирает, будто нежные женские пальчики трогает игриво. Хорошо! Сиди себе, наслаждайся. Но нет же, не получается! Все нутро буд-

то спиралью скрутило, изошла бедная душенька недовольством так, что зубы свело! Еще и хрипатый голос Высоцкого слышен из окна третьего этажа: «...Нет, ребята, все не так... Все не так, ребята...» Так и хочется ему подпеть, да чтобы с такой же отчаянной хрипотцой! Все не так! Все не так, ребята, не так!

Нет. Хватит уже, правда. Что это с ней, ей-богу? Отвлечь себя как-то надо, вывести из этого жуткого состояния. Да хотя бы за жизнью двора спокойно понаблюдать... То еще развлечение, между прочим!

Вон соседка с пятого этажа перегнулась через перила балкона – еще немного, и наружу вывалится. Чего это она? А, понятно... Высматривает зорким орлиным глазом свое потомство. А чего его высматривать? Вон оно, шурует на велике по дорожке...

– Олеся! Доченька! Не смей выезжать со двора! Катайся вокруг детской площадки, а со двора не смей! Слышишь, что я тебе говорю, Олеся?

– Да ладно, мам... – послышался уверенный голосок проезжавшей как раз мимо нее нимфетки в розовых лосинах. Так махнула эта нимфетка ручонкой, будто ей материнские тревоги поперек горла стояли. Хоть и впрямь вывались мать с балкона ей под ноги, проедет мимо и не заметит. Вот тебе и Олеся, доченька...

Проводила глазами нимфетку, усмехнулась грустно. Тетка, стало быть. Тоже Олеся. А еще подумалось вдруг – на-

до же, как долго на эти имена мода держится! Уж сколько наплодилось этих Олесь да Ксений, Насть да Кристин! Они что, сами эти, нынешние, тридцатилетние уже Леси, Ксюши, Кристи да Насти не могут для своих дочек что-нибудь новенькое изобрести? Она вот, например, свою Лизой назвала. А что? Неплохо! Имя не избитое, запоминающееся. Не то что у нее! И в школе была уже пятой Олесей в классе, и в институте не лучше...

Хотя Веничка говорит, что ей ее имя очень идет. Образ дополняет. А он знает, что говорит, он человек творческий, художник... Так порой может высказаться, что слушаешь его, уши развесив. А еще непонятно бывает, где он правду говорит, а где привирает насмешливо. То ли и впрямь смеется над ней, то ли комплимент отвешивает...

«У тебя, Леська, не просто ярко выраженная телесная ху-доба, она у тебя гармонично художественная. Матушка-при-рода, когда твою плоть лепила, наверное, чего-то жирного объелась, вот и создала шедевр минимализма...»

Ну вот как, как к этому относиться, интересно? Неужели нельзя просто сказать, что ему нравится ее худоба? Нет ведь, надо обязательно природу-матушку приплести, которая чего-то жирного объелась! Даже звучит отвратительно – фу... Какой же это комплимент, если так звучит?

Но что делать? Приходится верить, что это и впрямь комплимент. К тому же Веничка в этот момент так нежно и осторожно обхватывает широкими грубыми ладонями ее тонень-

кие запястья и привлекает к себе, усмехается в густую рыжую бороду... «К тебе же, Лесь, и прикоснуться-то страшно, как к тонкому первому льду – а вдруг он под тобой сломается! Хотя это и привлекает, чего уж там! Всегда ведь хочется по тонкой грани пройти – и в живых остаться, и кайф свой словить...»

Ей и самой нравилась ее выпирающая из тела худоба, нравились торчащие высокими дугами ключицы, и узенькие предплечья на фоне не обиженной природой груди, и стиральная доска ребрышек, и худые острые коленки – все нравилось! Вот только ростом природа ее обделила, причем сильно обделила, обидела даже! А в остальном – вполне модельная фактура, обаяшка-унисекс с кокетливой походкой от бедра и будто заплетающимися при ходьбе тонкими кривоватыми ножками. Хотя это Веничка говорит, что они у нее слегка кривоватые. На самом деле вовсе не так! Нормальные у нее ноги, прямые! А он... Он просто шутит неловко. Нравится ему, когда она злится. И сразу начинает ее по голове гладить – успокойся, мол, дурочка маленькая... А она и того больше на эту «дурочку» злиться начинает! Но тоже как бы понарошку, шутя. Потому что знает, что и волосы ее, к которым он прикасается, ему тоже ужасно нравятся. Шикарная грива непослушных волос, торчащих, как им хочется, неровными спиральками в разные стороны. Лицо ее в их обрамлении кажется совсем маленьким и прозрачным, как у голодного несчастного ребенка, и в этом тоже есть своя прелесть,

как считает Веничка.

Веничка, Веничка... Чего это она вдруг о нем?.. К тому же давно привыкла к его странным комплиментам, уже на этот счет не озадачивалась... Трехлетний стаж для любовников – это ведь много уже, чтобы озадачиваться тем, кто и что другу другу сказал. И как сказал. И когда сказал. Да он даже ей в любви ни разу не признавался, если на то пошло! Ей и не надо было, в общем... Просто с ним ужасно интересно было, вот и все.

Да, он такой. Необычный. Умница и пьяница. Стареющий, но красивый и неухоженный бородатый мужик. Да, да, так бывает! Чтобы красота и неухоженность каким-то чудным образом сочетались. А еще он талантливый художник, известный в богемных кругах как Веня Ляховский. И черт его знает почему, но она многое ему позволяла, в том числе и насмешливые высказывания о своей внешности. Вот кому понравится, когда об этой самой внешности говорят в слегка уничижительной тональности? Никому не понравится. А ей странным образом нравилось... Хотя она и возмущалась приличия ради.

– Твое лицо, Леська, именно волосы и делают значительным, – говорил он, улыбаясь в бороду и разглядывая ее влажными выпуклыми глазами. – Потому что лицо твое, если убрать волосы, совсем уж никаковское получается. Глазки у тебя близко посажены и круглые, как у рыбки, носик неровный, рот совсем маленький: ложка не пролезет. Кожа лица

тонкая и бледная, будто ее макнули в серую краску...

– Ну уж! Тебя послушать, так я совсем уродиной выгляжу! И вообще... Я к тебе портретом на холст не навязываюсь и в натурщицы не напрашиваюсь! Если бы даже об этом просил, ни за что бы не согласилась!

– Да ты не обижайся, Леська, что ты... До конца не дослушала, а обижаешься! Я ведь что хотел сказать... Я хотел сказать, что именно некрасивости эти, в одном месте так удачно совмещенные, тебя красавицей и делают... Притягивают магнитом странного какого-то обаяния, идущего, как и все самое интересное в природе, от противного... Парадокс, да и только!

Она делала сердитое лицо, недовольно пожимала плечиком, но не обижалась. А чего обижаться? Он же художник... Личность неординарная, богемная, и взгляд у него на все тоже такой... Неординарный. Развлекает ее как-то – и слава богу... И даже, как ей казалось, приглашает в свой мир, в котором все не так, как в привычной для нее жизни, все по-другому...

Иногда она задавалась трудным для себя вопросом: кто он для нее вообще? Как-то не хотелось привязывать к Веничке это пошлое слово – любовник... Да оно и само по себе не привязывалось, потому что все страсти меж ними случились в первые месяцы их связи, а потом эта связь переросла уже во что-то другое. В духовное, что ли? В дружеское? Возможно, и так... По крайней мере, она могла ему все про себя

рассказать. Про то, как заскучала вдруг, пребывая в своей вполне благополучной семейной жизни, как накатывает ни с того ни с сего такая тоска, что хоть умири...

– Ну вот почему так происходит, а, Веничка? Ведь все же у меня хорошо... И замуж вроде за своего Лешика по любви вышла, и дочку от него родила, и живем в хорошей квартире, которая Лешiku от бабушки с дедом досталась, места всем хватает! Ипотекой не маемся, последнюю корочку хлеба по бедности не догрызаем...

– Может, это как раз и плохо, что не маетесь да не догрызаете... – грустно вздохнул Веничка, глядя куда-то в сторону. – Плохо, что трудностей у вас нет. Должны они быть, трудности-то, обязательно быть должны!

– Да ну... Что ты такое говоришь?

– А то и говорю... Преодоление трудностей – это и есть жизнь, Леська. Нормальная счастливая жизнь. Взросление двух неразвитых юных душеньек, которые образовали ячейку общества. А без этого они так и остаются детскими, душеньки-то. И маяться начинают...

– Но ведь Лешик, мой муж, вовсе не мается! Он всем доволен! Он никогда никакой тоски не испытывает, живет и живет!

– Значит, у него душа сама по себе взрослая и жизнь с благодарностью принимает. А у тебя душа детская, неразвитая. Эгоистичная и капризная. Ей взрослеть надо, а она на месте стоит... Оттого и мается. Ей двигаться дальше надо,

развиваться, а то и вовсе заматереть мудрой силой...

– Да все с моей душой нормально, не придумывай!

– Так это не я придумываю, это ты на тоску жалуешься. Я тебе объяснить пытаюсь, почему природой так устроено, понимаешь? Чтобы душа все время в движении была. То есть в определенном движении, в правильном, по спирали и вверх, вверх! И не дай бог, если она сама по себе рванет вперед без оглядки, да не туда, куда надо, да вместо взросления в другие дебри забрести сподобится! Или, того хуже, в темную яму провалится. Нет ничего страшнее для души, Леська, чем пройти через темное для нее время... Не дай бог... Ты бойся этого, Леська. Бойся. Темное время души – штука весьма опасная, она там раздваивается, истончается, потом и заболеть может. Слышишь меня, Леська?

– Слышу. Но все равно не очень понимаю, какое это ко мне имеет отношение. И с чего ты взял, что душа у меня не взрослая? Ты что, заглядывал в нее, что ли?

– Нет. Не заглядывал. Просто я художник, я людей по-другому вижу. И пространство вокруг них тоже по-другому вижу. И весь мир... И вообще, шла бы ты домой, Леська, твой Лешик тебя заждался уже, наверное. И мне работать надо.

– Ой, да пожалуйста... Подумаешь...

– Не обижайся. Просто каждый должен заниматься своим делом, вот и все. И душой своей только ты должна заниматься, никакой добрый дядя не придет и не поможет ей по-

взрослеть. Только ты сама...

– Хм... А если я не могу? Вот не могу я сама справиться, плохо мне! И что тогда? Пусть моя душа попадает в это темное время, да?

– Значит, пусть попадает. Значит, когда-нибудь из него выберется, такой у нее трудный путь. Все в твоих руках, Леська. Это твоя жизнь. Я только предостеречь могу, а дальше... Дальше – сама. Такова жизнь, ничего не поделаешь. Я ведь не смогу за тебя ее прожить, даже если бы захотел...

Она ушла тогда, обидевшись. И уже месяц не появлялась в студии у Венички. Как он и говорил – жила своей жизнью, благополучно семейной. И тосковала все больше, и конца этой тоске не было. И причин для нее не было, что обидно... Не принимать же за причину эти путешествия души по темным мирам, как придумал Веничка! Да мало ли что он придумает, он же художник, ему положено фантазировать!

С балкона пятого этажа снова послышался истошно тревожный голос соседки:

– Олесья! Олесенька, где ты? Покажись, я тебя не вижу!

– Да здесь я, мам... – недовольно отозвалась нимфетка в розовых лосинах, выезжая из-за угла дома. – Ну что ты кричишь на весь двор...

Лесья видела, как юное создание стрельнуло глазом на группу пацанов, устроившихся на скамье в дальнем конце двора. Стыдно ей было за мать, наверное. Стыдно, что так следит за ней с балкона, тем самым умаляя ее девчачье до-

стоинство. А мать не унималась, и до лампочки ей были дочерние подростковые переживания:

– Олесья, давай домой! Ужинать пора! Хватит, нагулялась, давай домой! Нервы мои не выдерживают, когда ты на своем велике по двору егозишь, того и гляди расшибешься! Или под машину попадешь!

– Да с чего я расшибусь-то, мам?

– А с того! Вечер уже, все на машинах домой возвращаются! Мало ли кто как паркуется... Не заметят тебя, и все!

– Ну мам...

– Хватить с матерью спорить! Иначе вообще больше одну гулять не выпущу, поняла? Давай быстро домой! Не выводи меня из себя!

Нимфетка вяло поплелась к подъезду, скорчив горестную гримаску. Пацаны на скамейке загоготали громко, и гримаска у нимфетки стала совсем отчаянной, с привкусом набегавшей слезной обиды. Леся даже усмехнулась грустно – вот, во-о-от... Вот откуда берется потенциальное непонимание меж матерью и дочерью, вот откуда исходят все комплексы... И ее мама так же домой загоняла в детстве и даже слова такие же выкрикивала – мол, хватит с матерью спорить, не выводи меня из себя...

Но философствовать на эту тему тоже не хотелось. И без нее охотников хватает за эту ниточку тянуть. Глянула на часы, вздохнула сердито – ну где до сих пор Лешик и Лиза ходят, и впрямь вечер уже! Сколько она должна сидеть на этой

скамейке во дворе и ждать их? Вот угораздило же ее и ключи утром не взять, на работу опаздывала! И ведь Лешик знает, что она ключи дома забыла, звонила ему днем! И все равно не торопится! Чего добивается, интересно? Чтобы она сейчас Веничке позвонила и под благовидным предлогом исчезла на весь вечер? Этого он от нее хочет?

Сердито дернула молнию на сумке, достала телефон, кликнула номер мужа.

– Леш, ну вы где? От детского сада десять минут до дома идти, а я вас с Лизой уже целый час жду! В чем дело-то? Я голодная как собака! Я же целый день на работе была!

– Ой... Прости, Лесь... А я и забыл, что ты сегодня на работу вышла! Я как-то привык, что ты последнее время на удаленке сидишь...

– Как это – забыл? Я ж тебе на работу звонила, говорила, что ключи дома оставила! И где вы с Лизой сейчас?

– Да мы в магазин еще зашли, нам чешки купить надо было...

– Какие еще чешки?!

Конечно, она прекрасно знала, что это такое. Самой не раз приходилось покупать эти дурацкие тапочки для Лизы. Но сейчас... Сейчас настроение у нее было такое – капризно-раздраженное. И можно было позволить себе не вспомнить, что это еще за чешки такие!

– Да у них завтра соревнования какие-то спортивные, Марь Васильна сказала, что без чешек не приходиться... – то-

ропливо принялся объяснять Лешик. – Ты не психуй, Лесь, мы уже через пять минут будем! Просто Лизиного размера в магазине не было, пришлось в другой идти. Не могла же она завтра прийти без чешек, сама понимаешь...

– Дурдом какой-то, а не детсад... – пробурчала Леся, нажимая на кнопку отбоя. Вечно чего-нибудь придумают. То бантики в горошек, то непременно белые носочки, теперь вот чешки им подавай... Мало, что ли, мы им денег за все платим? Как в прорву какую-то платим, честное слово...

Денег за этот коммерческий садик и правда платили много. А главное, как считала Леся, ни за что совсем! Садик как садик, черной икрой с ананасами не кормят... Но раз Лешику в голову запало, что его любимица-красавица доченька должна ходить в самый лучший детский сад – то уже все. Лучше и не спорить. Да и как она будет спорить? На то свои причины есть...

Вернее, причина. Как говорит подруга Танька – пожизненный косяк. То есть для нее, для Леси, пожизненный... Наверное, Танька права с этим ее сермяжным определением. И Лешик прав. И все кругом правы, и никому дела нет, почему она поступила так, а не иначе. Да она и не собиралась оправдываться, еще чего! Перед Танькой ей оправдываться, что ли? Ладно еще перед Лешиком... Перед ним она и в самом деле должна оправдываться, потому как Лешик – ее муж. И отец ее детям. Да, детям... И сыну Коле отец, и дочери Лизочке. И он вовсе не виноват, что она так судьбу

их сына решила.

Да что там говорить – не виноват! Он до сих пор ей простить не может, что их сына Коленьку ее мама воспитывает! Но он хоть молчит... Сердится, но молчит. А Танька, которую вообще никто не просит лезть в их семейную жизнь, может себе позволить обидные высказывания:

– Ты, Леська, та самая мать-кукушка и есть – как подкинула в девках сыночка своей матери, так и растет он у тебя двенадцать лет кукушонком! Вот не понимаю тебя, хоть убей...

– Что значит – в девках, Тань? Вообще-то я замужем за Лешиком была!

– Ой, да помню я, как все это было, мне-то не рассказывай! Своими глазами видела! И как замуж ты выходила, и как беременная ходила... А потом подкинула дитя матери и дальше учиться стала! Что я, не помню? Все помню. И никогда понять не могла...

– А тебе и не надо понимать, тебя об этом никто не просит, Тань! Сначала своих роди, потом за чужими подглядывай! Так честнее будет!

– Ну зачем ты так, Лесь? Ты ж мне не чужая... Ты же знаешь, как я вас всех люблю – и тебя, и Лешика, и Лизочку... Да вы мне роднее родных, сама ведь знаешь!

И ведь врет все, зараза! Врет и не краснеет. Потому что на самом деле вовсе не любит. Завидует – да. Но не любит. Да и не подруга она ей по большому счету, а так... Просто к дому прибилась еще с тех пор, как они с Лешиком поженились,

теперь метлой ее не прогонишь. И всегда умеет нужной оказаться в трудный момент, всегда готова на любую помощь. И советы эти ее бесконечные... Порой так далеко она с этими советами заходит, что очень хочется нахамить – не лезь не в свое дело, Танька! Без тебя разберусь!

Хотя для всех она считается подругой, конечно. И пусть считается, кто ж спорит. У каждой уважающей себя женщины должна быть близкая подруга, так правилами социального поведения положено. Если, мол, нет у тебя подруги, то это значит, с тобой что-то не так. Социум, он такой, всегда горазд на тебя всякие подозрительные ярлыки наклеить. Не объяснять же всем и каждому, что в подоплеке Танькиной к ней привязанности всего лишь ее величество зависть прячется?

Да и пусть завидует. Жалко, что ли? Каждому нравится, когда ему завидуют. Только не каждый осмелится признаться в этом даже самому себе. К тому же и в самом деле есть много причин для Танькиной зависти. Свою женскую жизненную программу она, считай, выполнила и перевыполнила, и все у нее состоялось как надо: и муж хороший, и двое детей, и дом, и достаток стабильно-относительный, и даже любовник экзотический имеется! А у Таньки что? Ни семьи, ни детей нет! Правда, квартира у нее своя, отдельная, а что толку? Все равно пропадает у них целыми вечерами, около чужого огня греется. Потому и злится...

Хотя в своих высказываниях про мать-кукушку Танька

где-то права, наверное. Сына-то она действительно тогда матери отдала... Думала, на время, а получилось – навсегда. Нехорошо все это, конечно, и Лешик прав, что на нее сердится, тысячу раз прав! Но что ж делать, тогда обстоятельства так сложились... И не она первая, не она последняя, у которых эти обстоятельства так складываются. Коленька-то был совсем не запланированный, даже в отдаленных планах не числился... Кто она тогда была, соплюха-первокурсница! Какие такие планы могут быть у девчонки, которая только-только в институт поступила и не успела даже как следует студенческой жизни попробовать?

Да, так уж получилось. Дура была. Жизни не знала. Приехала из своего военного городка в большой город, в институт поступила. Радовалась, что оторвалась от сурового родительского пригляда. А в сентябре, как и полагается по законам институтской дедовщины, отправили весь их курс на картошку. Там у них с Лешиком все и случилось, она и сама не поняла – как... Может, вольный деревенский воздух ей голову закружил. Может, выпитый портвейн из бутылки, что шла по кругу. Может, песни, которые дружно орали под гитару: «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно!», «Там, где клен шумит над речной волной, говорили мы о любви с тобой»! А еще если прибавить ко всей этой хмельной звуковой какофонии крепкую руку Лешика, которая лежала у нее на плече так хорошо, так основательно... И шепот его горячий в ухо – пойдем, пройдемся до ре-

ки... На лунную дорожку посмотрим...

Ага. Посмотрели, называется, на лунную дорожку. Еще как посмотрели. Да и не было никакой реки да лунной дорожки, а был только большой стог сена в чистом поле. И одуряющий запах сухой травы, и ветер, и ощущение страха и радости тела, ранее незнакомое.

Лешик потом долго и неловко извинялся, конечно. Все ж таки не просто так, а впервые это у нее было! Она его еще и успокаивала – мол, нормально все, не переживай! В конце концов, должно же было это когда-то случиться! И без того задержалась в девичестве, потому как с моими родителями не забалуешь... Папа военный, у него к жене и дочери строгий спрос. Так что тебе повезло, Лешик, в каком-то смысле! Первым у меня оказался, гордись! Нормально все, не переживай...

Нормально ли, нет ли, а только она взяла, да сразу и залетела! И не сказала никому, дурочка. Да и говорить-то некому было: кругом одни такие же студентки, девчушки-соплюшки, а родителей она до смерти боялась! Папа у нее и впрямь военным был – полковником армейским. Они с матерью всю жизнь по струночке ходили, как солдаты: шаг вправо, шаг влево – сразу под трибунал! Попробуй, скажи им... Хорошо еще, что Лешик таким порядочным оказался! Сам разглядел, что живот у нее совсем уж неприлично выпирать начал, и предложение ей сразу сделал, и родителей своих на свадьбу уломал, и руки ее попросил у отца с матерью – все

как полагается, с цветами и шампанским... Правда, родителям так ничего про ее интересное положение и не сказали. А они искренне недоумевали – зачем ты, дочка, торопишься? Да, парень хороший вроде... Спокойный, ответственный, не балабол. И в армии отслужил, что для папы было решающим фактором. Любовь, что ли, у тебя такая сильная, дочка?

Пришлось тогда ей покраснеть и голову опустить – да, мол, любовь... Такая любовь, что жить без Лешика не могу. На том и порешили – ну, женитесь тогда, что сделаешь, если любовь. Святое чувство. Нельзя поперек любви идти. Так они с Лешиком и поженились, будучи первокурсниками. Потом, после свадьбы, Леся их обрадовала – внук у вас будет скоро, ждите...

Родители и впрямь очень обрадовались! Решили, что внук к себе заберут, пока молодые в институте учатся. Помогут, стало быть, молодой семье. Они с Лешиком не возражали...

Только отец внука так и не увидел – не довелось ему. На учениях машина с солдатами перевернулась и в обрыв следа. Все живы остались, только отец да водитель погибли – не успели вовремя из кабины выбраться. Она тогда как раз на сохранение улеглась, ей и не сказали ничего! Роды-то сложными предполагались, думали, кесарить даже будут. А она сама справилась. Благо, что Кока маленьким родился – два с половиной килограмма всего. Отца к тому времени уж две недели как похоронили... Узнала, когда из роддома выписывалась: по одному только маминому виду все было уже

понятно: почернела вся, постарела в одночасье, только глаза блестят лихорадочно, как у безумной. Вцепилась сразу во внука – даже ее к нему неохотно подпускала! Все твердила: «Мой Кока, мой Кока...» Это она отца всегда Кокой называла, с самой его лейтенантской юности. Поэтому и имя для ребенка им с Лешиком не пришлось выбирать – Николаем записали, в честь дедушки.

Леся сначала хотела отпуск академический оформить, все-таки ребенок маленький, да и маме одной тяжело! А только она вдруг воспротивилась – чуть ли не силой спроводила ее обратно на учебу. Езжай, говорит, к мужу, он хороший парень, семью свою строй, гнездо вей, а я тут с Кокой и сама справлюсь! Тем более, говорит, что и молоко у тебя пропало...

Так Коленька у мамы и остался. Лешик потом, конечно, спохватился, пытался его забрать – да где там! Мама не отдала уже... Ссорились они с ним тогда из-за Коли, чуть не развелись!

– ...Он же наш сын, Леська, ну как ты этого не поймешь! Мой сын! Твой сын! Он должен жить с нами! Я понимаю, раньше мы не могли... Учились, жить негде было... Сейчас же все у нас есть! И работа, и жилье! Вон какая мне от бабушки квартира досталась, всем места хватит с избытком! Ну почему ты не можешь своей маме все объяснить, Леська?

– Как? Как я это ей объясню? Ты же видишь, как она к внуку привязалась, всем нутром в него выросла! Он теперь ее

на плаву держит, он единственный смысл ее жизни!

– Но разве можно делать ребенка смыслом жизни? К тому же на нем выплывать?

– Не знаю... И вообще, давай вот без этих твоих психологических изысков обойдемся – что можно да что нельзя... Ты думаешь, я не хочу, что ли, чтобы сын с нами жил? Но что я могу, Лешик, пойми? Может, мне маму сразу убить, а? Что ты мне предлагаешь?

– Нет, я все это понимаю, конечно... Но должен же быть какой-то выход, Лесь... Пусть к нам тогда переезжает, все вместе будем жить...

– Я? Жить с мамой? Да никогда!

– Но почему, Лесь?

– Да потому... Ты хочешь, чтобы мы с тобой по одной струночке ходили под ее жестким приглядом? Ты мою маму не знаешь? Да она же скажет свое слово – как отрубит... Раньше, когда отец жив был, она тише воды была, ниже травы... Во всем его слушала, слово сказать боялась. А потом ее как прорвало! Такая стала командирша, только удивляться приходится! Наверное, она компенсирует так свое многолетнее подчинение, не знаю... А только мне от этого не легче, пойми! Да и ты тоже... Хочешь быть зятем-подкаблучником, да?

– Значит, ты с властной матерью жить не хочешь, а ребенок твой пусть и дальше живет с властной бабушкой, да? Таковский был? Ты что, совсем своего сына не любишь, что ли?

– Да люблю я, люблю... И маму свою люблю. Но... Что сделаешь, если все уже именно так сложилось? Да и не будет она на Коленке свою властность проявлять, не бойся. Она его любит без ума...

– Вот именно. Без ума.

– Что ты этим хочешь сказать, интересно?

– Да ничего... Просто я сыну в глаза не могу смотреть, когда мы к твоей маме приезжаем. Будто я бросил его. Он же все понимает, не думай...

– Он что, сам тебе об этом сказал? Что все понимает?

– Да я же отец ему! Я же чувствую...

– А я, значит, плохая мать? Я ничего не чувствую, по-твоему? Да как ты не понимаешь, что у нас сейчас другого выхода нет? Мама ж все равно его не отдаст... И ты смирись, Леш... Время все расставит по своим местам. Все устроится как-то со временем.

– Может, все-таки попробуем жить вместе с твоей мамой, а?

– Нет, Леш. Я знаю, что ничем хорошим это не закончится.

– Ты все-таки ужасная эгоистка, Леся... Больше о своем удобстве думаешь, чем о сыне. И все, закончим на этом, не говори мне ничего больше... Я тебя услышал, все, Леся, все...

Лешик после всех этих разговоров ушел в себя, замкнулся. Она ему не мешала, знала, что он смирится потихоньку.

Характер у него был такой, покладистый, не умел он долго в обиде жить. К тому же вскоре она его обрадовала новостью – готовься, снова отцом станешь.

– Что, подсуетилась, да? – ехидно тогда спросила Танька, но тут же и сама испугалась своего ехидства, поспешила скрыть его приторным восклицанием: – Я так рада за вас с Лешиком, так рада, честное слово! А кто будет, тебе уже сказали? Девочка? Ой, как хорошо... И Лешик успокоится... Он ведь все равно переживает из-за сына, я думаю...

– Конечно, переживает, Тань, – спокойно ответила она, будто и не заметила того самого промелькнувшего злого ехидства. – И я тоже переживаю, что сын живет не с нами. Но что я поделать могу в сложившейся ситуации?

– Ну, не знаю... Я бы на твоём месте все равно на своём настояла... Ведь ты же мать, правда? А бабушка – она всего лишь бабушка... Все права на твоей стороне!

– Ну да, права на моей стороне, действительно. А с мамой как быть? Мне ведь жалко её... Она из тех женщин, которые в одиночестве жить совсем не умеют, им обязательно себя к кому-то прилагать надо. Жены военных – они в основном такие и есть... Всю жизнь так живут, в качестве прилагательного. Вот и у мамы так получилось... Одного Коки в её жизни не стало – тут же другой появился. Этим она спаслась. И как я могу отнять его, скажи? Хоть и право имею?

Так и остался Коленька у мамы. Они с Лешиком часто к нему ездили, даже машину для этого купили, в долги залез-

ли. Но Лешик до конца так и не смог с этими обстоятельствами смириться. Всегда будто скукоживался душевно, когда с сыном в очередной раз виделся. И суетился, и смотрел виновато, и, казалось, даже разговаривал на два тона ниже. Да еще и мама зорко следила, чтоб он лишнего чего не сказал, не растревожил ребенка. И всегда старалась их выпроводить побыстрее...

Зато как Лешик их с Лизочкой из роддома встречал – это отдельная песня! Подбежал, сунул цветы и будто выхватил из ее рук драгоценный сверток: мое, мол, никому не отдам! Акушерка, которая ее провожать вышла, даже брови подняла от удивления – что это, мол, за папаша такой странный? Будто еще кто на ребеночка его претендует!

А он вовсе не странный... Он чувство своей вины таким образом утешил. Подсознательно. И свою любовь к сыну – нереализованную. Все это хозяйство Лизочке и досталось сполна. Иногда казалось, что она как мать ей и не нужна вовсе – папа и это место своей любовью занял. Хорошо хоть не комплексовала по этому поводу: пусть будет так, она вовсе не против. Это ведь хорошо, когда меж отцом и дочерью такая любовь!

А, вот и они, голубчики... Наконец-то! Выплыла сладкая парочка из арки – папа с дочкой Ростовцевы! Идут себе, не торопятся, воркуют, как два голубка...

Поднялась со скамьи, пошла им навстречу. А они даже не замечают! Увлечлись беседой, не смотрят в ее сторону.

Лешик ее первым увидел:

– Ой, Лизочка! Смотри, мама идет! Ух, какая сердитая... Сейчас попадет нам с тобой по первое число...

– А что это значит, пап, по первое число? – с любопытством спросила Лиза вместо того, чтобы испугаться ее сердитого вида.

– Ну, это так говорят... Я тебе потом объясню... – виновато пробормотал Лешик.

– Вы что, за чешками на другой конец города ездили? А про меня забыли совсем? Сижу тут во дворе как неприкаянная... Между прочим, я голодная, сегодня даже пообедать не успела!

– А чего не успела-то? Неужели работой увлеклась? – быстро спросил Лешик, и ей послышалась обидная ирония в его голосе. Хотя наверняка не было никакой иронии – Лешик просто не мог ничего подобного себе позволить. Она знала это прекрасно и все равно разозлилась еще больше – надо же было причину найти для своего дурного настроения! Хотя бы для себя найти...

– Да! Представь себе, увлеклась! Или ты думаешь, что я целый день дурака валяю? Может, я его и валяю, конечно, сильно спорить не буду... Но ты все равно не имеешь права так говорить!

Он посмотрел на нее задумчиво, ничего не ответил. На его языке это называлось так: не давать эмоций для провокации. Лучше, мол, промолчать, целее будешь.

– Знаешь ведь, что я сижу тут без ключей, и не торопиться, идешь себе не спеша! И правильно, чего спешить-то? Главное, чешки купили, а что я голодная, это ж неважно совсем!

Выдала из себя сердитую тираду, и будто легче стало. И тут же понизила голос, будто захныкала жалобно:

– Вот сейчас упаду в обморок, будете знать...

Лешик подхватил ее за талию, проговорил торопливо:

– Пойдем, Лесь, пойдем, рыба моя золотая! Срочно кормить тебя будем! Я ж не знал, что ты не обедала...

– Да если бы и обедала! Ты же знаешь, что я без еды долго не могу! И голода терпеть не могу, организм у меня так устроен!

– Знаю, все знаю про твой организм... И не перестаю удивляться этой его особенности. Вот интересно, как у тебя такой зверский аппетит зарождается? Вроде и места для него особо не предусмотрено... Вон, ребра одни торчат, будто ты и не ешь ничего! Хорошо, что мы с Лизой еще и в продуктовый по пути зашли, колбасы да сыру прикупили, а то вдруг ужина не дожدهшься – возьмешь и всплывешь кверху брюшком...

– Не всплыву. Выживу как-нибудь. Ну, идемте же скорее...

Дома Лешик, аккуратно повязав на себя фартук с оборочками, принялся так же аккуратно лепить абсолютно правильной формы котлеты, предусмотрительно поставив перед си-

дящей за кухонным столом Лесей два йогурта и тарелку с бутербродами.

– На, замори пока червячка...

«Какой правильный, добротный у меня муж! – думала она, исподтишка наблюдая за перемещающимся по кухне Лешиком. – Будто из одного цельного куска вырублен! Ни одного лишнего суетливого движения, все рационально, продумано до мелочей...»

Да, все в нем правильно. И сам он квадратно-правильный, этакий крепыш без лишних выпуклостей вроде пивного животика, и челюсть у него квадратная, и очки квадратные, и даже рубашка в клеточку! И в жизни у него все так же квадратно-правильно получается, геометрически выстроено, никаких тебе изгибов и отклонений! На ужин – котлеты с гарниром, перед сном – обязательный кефир, посуда должна быть вымыта, постель заправлена, ребенок вовремя спать уложен, секс – по вторникам и четвергам... Хотя про секс она только что придумала, конечно. Чтобы в тему «правильности» уместиться. Не было у них секса по расписанию, но все равно... Скука смертная, а не жизнь! И тоска в клеточку...

– Что-то Ольга Петровна давно не звонила, – обернувшись от плиты и сверкнув на нее стеклами очков, сказал вдруг недовольно Лешик. – Как там наш сын-кукушонок живет, интересно?

– Не называй его кукушонком! Мне не нравится!

– Думаешь, мне это нравится, что ли? Ну ладно... Не будем к больной теме возвращаться. Я чего сказать-то хотел... Уже начало августа, а мы его с июня не видели... Она ж обещала его на выходные привезти, тут и ехать-то всего ничего!

– Ну, мало ли что обещала... Не смогла, значит...

– Или не захотела. Не любит твоя мама к нам в гости ездить. И нас к себе особо не зовет. А у нашего сына каникулы все-таки, мы могли хотя бы на каникулы к себе его забрать!

– Леш... Ну что ты опять начинаешь? Сам же сказал – не будем к больной теме возвращаться. К тому же что ему в городе на каникулах делать? Там хорошо у бабушки, там свежий воздух... Вот бы и Лизу туда отвезти, пусть отдохнет перед школой!

– Нет, зачем... Надо же скоро в школу ее собирать... Покупать все надо... Все-таки первый класс.

– Да успеем, купим!

– Ладно, ладно... Мы подумаем, Лесь. Может, мы сами к ним в Озерск съездим, а? Мне к пятнице уже машину обещали в сервисе сделать. А в воскресенье вернемся... А, Лесь?

– Давай съездим, если так хочешь... – подняв на него виноватые глаза, тихо проговорила она. Глаза всегда у нее оказывались виноватыми, когда речь заходила о Коке, будто она и в самом деле добровольно приняла на себя роль легкомысленной раскаявшейся кукушки, подбросившей своего птенца в чужое гнездо. – Только мы же в эти выходные к твоим родителям на дачу собирались... И Таньку обещали с собой

захватить... Она любит к твоим ездить, уж не знаю почему. Будто медом ей там намазано.

— А, ну да, я забыл совсем! Тогда в эти выходные едем к моим, а в следующий выходной — к твоей маме в Озерск!

— Хорошо, хорошо... Да они еще и сами приедут, раз мама обещала! Вот увидишь!

Лешик ничего не сказал, но глянул на нее с сомнением. Потом деловито принялся переворачивать котлеты на сковороде. Интересно, о чем он думал сейчас? Ведь думал же о чем-то своем? Наверное, о том, что она — плохая мать... Что сына у него отобрала. И что жена плохая — тоже. Потому что это неправильно, когда жена сидит за столом, сложив ручки, и смотрит, как муж суетится с приготовлением ужина. Но разве она в этом виновата? Лешик сам всегда впереди паровоза бежит, сам берет на себя исполнение бытовых обязанностей! Да, все так... Но это еще не значит, что он должен быть счастлив таким положением дел.

Впрочем, ей все равно... Когда такая тоска душу гложет, ничего не имеет значения. Неужели с этой тоской еще и на дачу к свекрови придется тащиться в эти выходные? Улыбаться ей, выслушивать всякую ерунду про урожай огурцов, про варенье, про соседских кур, которые повадились перелетать через забор и выклеивать клубнику на грядке?

О нет... Этого ее тоскующая душа не выдержит. Это уже явный перебор. Лишняя она на этом празднике дачной жизни.

– Лешик... А ты не сильно обидишься, если я с вами не поеду на дачу?

Голос ее прозвучал так тоскливо, что Лешик обернулся от плиты, глянул удивленно.

– Нет, правда... Что-то я плохо себя чувствую. Голова все время болит, и слабость... Лучше я дома полежу, отдохну...

– Так там и отлежишься на свежем воздухе! Такая погода чудесная, зачем тебе дома сидеть? На вольном ветерке быстрее в себя придешь!

– Ну да, там у вас отлежишься... Твоя мама быстренько всех к делу пристроит – кому дрова колоть, кому в саду работать, кому варенье варить! Да и общаться с ней целый день надо, улыбаться да радоваться, эмоционально напрягаться, а я не хочу... Устала я очень, сил нет. А вы с Лизкой и без меня хорошо отдохнете!

– Да от чего устала-то? – начал было раздражаться Лешик, но, обернувшись и еще раз внимательно глянув на жену, тихо произнес: – Ладно... Делай, что хочешь... Оставайся, мы и без тебя съездим. Только вот Татьяне своей как ты объяснять будешь, что поездка не состоится? Она же так любит на дачу к моим ездить...

– Да ничего я ей объяснять не буду. Пусть едет, и все. Что она тебе, помешает?

– Ну... Я даже не знаю... Ты ж ей подруга, не я...

– Ой, не смейся! Да ей за счастье будет, если меня рядом не окажется! Пусть хоть на один день себя почувствует в роли

замужней женщины! Пусть хоть понарошку...

– Лесь... С ума сошла? О чем ты сейчас говоришь? – обескураженно спросил Лешик, снова переворачивая котлеты на сковородке.

– Ой, да ладно! Шучу я... Чего так растерялся-то? Вон, котлеты уже третий раз перевернул... Пережарятся же!

– Ну и шутки у тебя! И вообще... Как ты так можешь говорить о подруге?

– Да как, Леш?

– Уничижительно, вот как. Насколько я знаю и вижу, Татьяна тебя очень любит. И ко мне тоже хорошо относится. И Лизу любит... Да она уже давно член нашей семьи, она так нам преданна!

– Тебе это все кажется, Леш.

– В смысле – кажется? Я что-то не знаю, да?

– Нет. Нет... Все в порядке. Все в порядке, не обращай внимания...

– Что значит – не обращай внимания? Странно как-то ты говоришь... Я всегда считал Татьяну верным другом, нашей палочкой-выручалочкой... Она в любое время дня и ночи готова все бросить и примчаться к нам, чтобы помочь... Да она столько для нас делает, Лесь! Всегда безоговорочно с Лизой остается, когда нам куда-то надо! Да что там говорить, она всегда нас выручала, всегда помогала нам от души!

– Ну, все дифирамбы спел или еще что-то в заглавнике осталось? – насмешливо спросила она, выковыривая ложеч-

кой остатки йогурта из баночки. – Если не все, то не стесняйся, пой дальше, я послушаю.

– Лесь! Я не понимаю тебя сейчас, честное слово!

– Конечно, не понимаешь, Леш. Потому что ты добрый и правильный, все принимаешь за чистую монету. А я не такая правильная, у меня другое видение происходящего, вот и все.

– И какое же у тебя видение, интересно?

– А такое... Танька к нам сюда шастает вовсе не потому, что ею движут благие намерения да тонкая душевная организация. А потому, что ей синдром спасателя покою не дает. Ужасная в целом вещь, скажу я тебе...

– Синдром спасателя?

– Ну да... Не мы ей нужны как таковые, а ощущение своей исключительной необходимости нам нужно. Знание нужно, что мы без нее пропадем. Что она вся из себя такая святая спасительница. Ей на данный момент просто больше жить нечем, Леш. Нечем и некуда. Несостоявшаяся она как личность, как женщина. Вот и укрывается этим теплым одеяльцем – синдромом спасателя. И дальше еще круче будет, когда она совсем в раж войдет... Мы еще хлебнем горюшка со всем этим хозяйством, вот увидишь, и к дедушке Фрейду не ходи...

– Хм... А по-моему, ты все преувеличиваешь, Лесь. При чем так нехорошо преувеличиваешь... Я бы даже сказал, злобно.

– Может быть, может быть, спорить не буду... Я ж говорю, плохо себя чувствую. Устала... Оттого и мысли такие... Как ты говоришь – злобные. И ладно, все, не будем больше об этом... Давай лучше ужинать, Леш! Так вкусно от сковородки пахнет, с ума можно сойти!

Лешик тут же заторопился, аккуратно выложил красиво поджаренные котлеты на большое синее блюдо, поставил на стол. Затем быстро нарезал салат, заправил оливковым маслом.

– Лизуша! Мой руки и ужинать! – громко крикнул в сторону детской, развязывая за спиной тесемки фартука.

– Мам! У тебя в сумочке телефон песенку поет! – крикнула Лиза, пробегая мимо кухни в ванную.

– Да, доченька... Спасибо... Сейчас отвечу... – спохватилась она, подскакивая со стула.

Еще не открыв сумку, подумала отрешенно – точно ведь Танька звонит... Как говорится, помяни лешего, а он уже тут как тут. Сейчас в гости наверняка проситься будет... Да, точно, это она! Абсолютно предсказуемый вариант!

И не ошиблась. Танькин голос уже звенел в трубке неотвратно:

– Лесь, привет! Вы дома уже?

– Дома, дома... Где ж нам еще быть?

– Ой, а я тут недалеко, у меня дела были... Ничего, что я забегу к вам на минутку? Соскучилась – жуть! А еще я тортик купила, Лесь! Фрукты во взбитых сливках, ты такой

любишь, я знаю!

– Да приходи, Тань, чего уж... Могла бы и без тортика...

– Ой, а чего у тебя голос такой? Настроение плохое, что ли? Случилось чего, а я не знаю, да?

– Ничего не случилось.

– Но я же слышу... Голос у тебя такой, будто ты умрешь через пять минут!

– Не дожدهшься, не умру. Размечталась. Пока тортика твоего не попробую, не умру.

– А потом таки умрешь? Обещаешь? – нарочито громко засмеялась Танька, будто давала понять, что и она тоже вплыла в эту шутливую тональность. И, не дождавшись ответа, проговорила уже более деловито: – Ладно, я скоро буду. До встречи.

Леся автоматически сунула телефон обратно в сумку, медленно поплелась на кухню. Лешик встретил ее осторожным вопросом:

– Я так понял, к нам Таня едет? Правильно?

– Правильно понял, молодец. Куда ж мы без Тани-то. Привыкнуть пора, что наша Сивка-бурка только одну дорожку знает.

– Тогда я еще один прибор поставлю...

– Да не старайся, она наверняка откажется от ужина.

– Почему?

– А она после шести не ест – все худеть пытается. Не дает ей покоя моя природная худоба, такую же хочет. Все ей

надо такое же, как у меня... Будто моим двойником стать стремится.

– Ну, опять ты преувеличиваешь, Лесь...

– Ничуть! Я и сама этого не понимаю, но это на самом деле так! Вот охота ей себя истязать, скажи? Все равно ж такой, как я, никогда не будет, у нее кость широкая. Да это же настоящая китайская пытка – все время голодной ходить! Вот что у нее в голове происходит, скажи? Злится, изводится и все равно прет как танк!

– Да она вовсе не злая, Лесь, что ты... Да, неустроенная, в этом ты права. И жаль, что неустроенная. Мне кажется, из нее бы хорошая жена получилась, добрая и заботливая. И куда мужики смотрят, интересно?

– А куда надо, туда и смотрят! – подняв плечи и ухватив себя ладонями за талию, кокетливо произнесла Лесья. – И вообще... Я что, плохая жена, по-твоему?

– Да замечательная! – добродушно улыбнулся Лешик. – Только вечно чем-то недовольная и ворчливая, а еще злая и голодная! И на дачу к моей маме ехать не хочешь... А так... В общем и целом... Цены тебе нет, конечно, о чем тут еще говорить!

– А я ручки с мылом три раза помыла, чтобы совсем чистые были! – заскочила на кухню Лиза, демонстрируя родителям влажные ладошки. – И когда домой с улицы пришли, я тоже три раза мыла! Я хорошая девочка, я вирусом не заболею, правда?

– Да без вопросов даже! – растянул губы в улыбке Лешик. – Садись быстро за стол, доченька, будем маму кормить! Сейчас еще и тетя Таня к нам придет...

– Ура! Тетя Таня! – взмахнула ручками Лиза, глядя на отца тихими влюбленными глазами. – Я люблю, когда тетя Таня приходит... Она такая хорошая, она всегда мне книжку читает и красивую косичку заплетает! Вы такую косичку плести не умеете, вот!

Дверной звонок захлебнулся нетерпеливо и радостно, словно просил, требовал и торопил впустить быстрее в квартиру неустроенную тетю Таню, которая умеет плести косичку.

– О! Она на метле прилетела, что ли? Или уже от подъезда звонила? – озадаченно подняла брови Леся. – Давай, хозяин, улыбайся шире, а я очаг разведу, одиноких женщин согреть будем! Ничего не поделаешь, судьба у нас такая!

Лешик ничего не ответил, только глянул с прежним укором – зачем ты так, мол... Повернулся, ушел в прихожую встречать гостью.

– Привет, Леш! Как у вас вкусно пахнет! С ума сойти! А где твои девочки? Где мои любимые девочки? Я так успела соскучиться, просто сил уже нет! На кухне девочки? Да, сейчас иду, только босоножки сниму да причешусь немного...

Лесе показалось, что Танькин голос вмиг заполонил все пространство квартиры, и будто весь кислород в себя втянул – нечем стало дышать... Даже зажмурилась на секунду от на-

катившей внутренней неприязни. А ведь так сидели хорошо на кухне, котлеты жарили... Никто в ухо не зудел, в любви вечной не клялся...

Танька влетела на кухню, обняла ее сзади, поелозила губами по затылку, потом так же накинута на Лизу, смачно поцеловала в лоб, в щеки, в носик. Плюхнулась на стул, пробежалась по их лицам радостным взором.

– А я вовремя, да? Чего это вы с ужином-то припозднились?

– Да так получилось, Тань... Может, и ты с нами поужинаешь? – вежливо предложил Лешик, быстро глянув на Лесю.

– Да я же на диете, Леш! Мне нельзя!

– Ну, нельзя так нельзя...

– А, ладно! Уговорили, съем за компанию одну котлетку! Такой аппетитный запах стоит – аж в подъезде слышно! – тараторила Танька, принимая из Лешиних рук тарелку.

– Ой, не тарахти так! Голова раскалывается... – тихо проговорила Леся, потянув ладони к вискам. – Садись, ешь лучше...

– А что с нашей буйной кудрявой головушкой случилось? Почему болит? Какие проблемы нас мучают? Переходный возраст у тебя вроде как позади, для климакса рановато...

– Да просто болит, и все! – резко ответила Леся, глянув на гостью злобно.

– А мама не хочет с нами к бабушке Маше на дачу ехать! – пожаловалась Таньке Лиза, откусывая от котлеты, целиком

подхваченной на вилку. — Я слышала, как они с папой говорили про дачу, когда в комнате мультик смотрела!

— То есть как это мама не хочет? — опешила Танька, повернув к Лесе возмущенное лицо. — Это правда, Лесь?

— Да, правда. И что? Могу я чего-то хотеть, а чего-то не хотеть? — пожала плечом Лесья, не поднимая глаз от тарелки.

— А я, Лесь? Как же я? — жалобно проговорила Танька и даже сглотнула болезненно. — Ты же обещала, что и меня возьмешь на дачу! Я так собиралась, всю неделю мечтала... Я семена купила для Марьи Кирилловны, я новый рецепт засолки огурцов нашла в интернете...

— Ой, вот только не надо причитать, Тань, пожалуйста! Собиралась, так поезжай, кто тебе не дает! — отмахнулась от нее Лесья.

— Нет, как это, подожди... Это как будет выглядеть? Лешик приехал на дачу к своим родителям с подругой жены? Думай, что говоришь...

— Да ладно! Они тебя не знают, что ли? Скажешь Марье Кирилловне, что очень хотела поехать, а я, такая-сякая, взяла да заболела... А тебе, мол, надо непременно сообщить ей новый рецепт яблочного варенья... Или чего там за рецепт, я забыла...

— Засолки огурцов... — автоматически поправила Танька, по-прежнему глядя на Лесю с озадаченной тоской в глазах.

— Ну да, ну да! Конечно же! Все это ей скажешь, и она тебя с распростертыми объятиями примет! Это я гарантирую, так

и будет! Кому ж неинтересен рецепт засолки огурцов, сама подумай?

Лешик, торопливо дожевывая котлету и желая что-то сказать, протянул уже к ней руку и, поперхнувшись, сильно закашлялся, уронив со звоном на пол свою вилку.

— Вот видишь, Танька, и Лешик не против, чтобы ты с ним поехала... — ехидно улыбаясь и похлопывая его по спине, добавила Леся. — А у меня и в самом деле голова болит! Я лучше дома полежу, в тишине. А ты временно займешь мое место!

— Ой, ну что ты говоришь, ей-богу... Какое такое место... — неловко глянула на нее Танька и покраснела вдруг, подхватила тут же со стула с испуганным, почти истерическим кличем: — Ой, я же тортик в прихожей забыла! Сейчас принесу, его же в холодильник засунуть надо! Такой тортик лучше холодным есть...

И дальше вечер пошел, как обычно, в стиле кухонных посиделок с сухим красным вином, принесенным Танькой тортиком да едва слышным бормотанием телевизора. Ровно в полдевятого Лешик уложил Лизу спать, ровно в полдесятого Танька засобиравлась домой, милостиво разрешив Лешику вывести ее через двор и темную арку на освещенную и людную улицу, к автобусной остановке. Все как обычно, потому что так и должно быть, потому что у всех так бывает с подругами, которые заглядывают на огонек. Только не всех это так раздражает...

– Слушай, а ты и в самом деле что-то неважно выглядишь! Может, тебе отдохнуть и куда-нибудь съездить? – заботливо спросил Лешик, вернувшись после Танькиных проводов. – Ты бледная такая... Глаза тусклые, как у больной мышки...

– А я тебе такой не нравлюсь, да? Избавиться хочешь?

– Ну зачем ты так? Я ж серьезно! Съезди куда-нибудь, развейся! Нет сил на тебя глядеть, ей-богу!

– Да куда я поеду? Ты ж прекрасно знаешь, что сейчас никто никуда не ездит, Леш!

– Ну почему? Я слышал, в Турцию сейчас можно...

– Не хочу в Турцию. Не люблю я Турцию. Надоела. К тому же мы прошлым летом там три недели отдыхали. Да и кто меня отпустит в Турцию, скажи? У меня ж отчет на работе скоро начнется. Хотя от меня никто трудовых подвигов не ждет, но у нас так принято, чтобы во время отчета все были на своих местах, пусть и номинально. Все знают, что я начальнику родственницей прихожусь.

– Да ерунда! Я договорюсь с Леней, он тебя без звука отпустит! Это он тебе начальник, а мне – брат двоюродный... А что? Возьмешь несколько дней без содержания, развеешься... Поезжай в Сочи, помнишь, как тебе там понравилось? Правда, мы зимой были... Но ведь летом – это ж другое дело! Дней на десять сгоняй, самолетом туда-обратно...

– Да ничего я не хочу, отстань!

– Ну как хочешь...

В субботу Леся проснулась от навязчивой, назойливо-тревожной мысли, засевшей в ее голове и так и не давшей досмотреть тот самый сон, который потом вспоминала весь день в мельчайших подробностях и удивлялась тихо – при-снится же такое, ей-богу... Хорошо, что тревожная мысль ее разбудила. Потому что сама себе ее с вечера организовала, то есть дала себе задание – надо утром встать и проводить на дачу к свекрови Лешика с Лизой. Завтраком вкусным их накормить. Компенсировать, так сказать, свое бегство от семейных обязанностей.

И да, пришлось ради этого отказаться от привычного субботнего удовольствия, когда не надо силой вытаскивать себя из постели и хочешь не хочешь, а вовлекаться в раннюю суету каждодневной обыденности с умыванием, торопливым макияжем, завтраком на скорую руку... Но что не сделаешь ради этого необходимого спектакля, в котором у нее главная роль порядочной жены и матери!

Сев на постели, она обнаружила вдруг, что Лешика рядом уже нет, что в квартире стоит чуткая и гулкая тишина, что солнце уже светит горячо и ярко, совсем не по-утреннему. Что ж это получается, все-таки проспала? Несмотря на все свои благие намерения? Лешик с Лизой уже уехали, не стали ее будить? Да как же так-то... Обидно-то как... Вот захо-

чешь быть хорошей женой в субботнее утро – и то нельзя...

Ну и ладно! Они ведь просто пожалели ее, проявили лучшие душевные качества. А лучшим душевным человеческим качествам никогда нельзя препятствовать, потому что они жизнь украшают. И даже не ту жизнь, на которую вроде как направлены, а свою собственную. Поэтому будем считать, что муж с дочерью уехали абсолютно счастливыми и без ее хлопотливых телодвижений по кухне. Наверняка ведь Лешик сварганил какой-то завтрак на скорую руку!

Упала обратно на подушки, потянулась блаженно, раскинув руки в стороны. Хорошо... И даже прежняя тоска отпустила, и лучше не поминать ее все... И сон этот кошмарный тоже не вспоминать. Все равно он непонятный какой-то, просто сюрреализм в чистом виде, а не сон. Особенно одна деталь ее поразила – будто смотрится в зеркало и видит не свое лицо, а Танькино... И кричит кому-то от ужаса: «Я не хочу Танькино лицо, не хочу! Верните мне мое лицо...» А потом все бежит, бежит куда-то... Ищет чего-то и не может найти... И снова натывается на зеркало, и снова видит в нем Танькино лицо вместо своего!

Нет, даже и думать не надо, к чему бы такое могло присниться. Да и что значит – к чему? Все это глупости деревенские – в Танькином духе! Это ж она все время пытается сны интерпретировать как старая бабка, причем интерпретации эти тоже по-деревенски звучат. Если покойник приснился – к дождю, если птица в окне – умрет кто-то, если яблоки – к

радости, а если таракан – то к печали... Так бабушка Танькина сны объясняла, и Танька от бабушки недалеко ушла по развитию, все в той же ипостаси барахтается.

И вообще... Зачем она вдруг на Таньку мыслями перескочила? Делать ей, что ли, нечего больше? Целый свободный день впереди! Может, и еще один, если Лешик с Лизой надумают у свекрови заночевать! Надо ж их как-то спланировать правильно!

Да, надо спланировать... Вот сейчас она встанет, приведет себя в порядок и позвонит Веничке. Не сидеть же и в самом деле одной в четырех стенах целых два выходных дня!

Хотя первой после той ссоры звонить не особо хочется, конечно. Но если рассудить здраво... Ведь не было никакой ссоры, она сама ушла, хлопнув дверью. Да и времени много с тех пор прошло – целый месяц почти! Веничка и забыл, наверное, что она тогда на него обиделась.

Повернулась, ухватила телефон с прикроватной тумбочки, сжала его в ладони. Долго думала, с чего начать разговор... И какую тональность придать голосу – я все еще обижена, мол, или просто вспомнила про тебя, Веничка, ни с того ни с сего...

Да, лучше так, пожалуй. Ни с того ни с сего. Будто и не было никакой ссоры.

Веничка звонку обрадовался, но не до такой степени, как ей хотелось. Как-то снисходительно обрадовался. Обидно. Пришлось проглотить, потому что сама ж первая позвони-

ла... Договорились встретиться, как всегда, у кондитерской, недалеко от ее дома – там будет стоять его машина.

Повалялась еще немного, потом с удовольствием залезла под душ, отдала свое прозрачное тело на растерзание бьющим упруго прохладным струям, смывающим остатки беспокойного сна. Все-таки хорошая вещь – вода! Так бы и стояла под душем целую вечность... И все-таки хорошо, что в ее жизни есть Веничка – огромный рыжий верзила с тяжелыми и теплыми руками, умный и насмешливый, не связанный никакими обязательствами свободный художник. Не похожий ни на кого, а главное, совсем, совсем неправильный! Потому что от правильности жизни тоже иногда можно сойти с ума, в тоску страшную провалиться. Как она в нее провалилась в последнее время...

Наверное, со стороны они смотрелись довольно странной парой: маленькая худая женщина, похожая на подростка, и большой рыжий бородатый мужик. Интересно, что о них могли подумать? Что этого воробышка соблазнил прожженный и богемный дядька себе на потребу? Что на его совести будет испоганенная судьба бедной девушки? Смешно, ага...

Хотя ее саму эти мысли забавляли ужасно, давали пищу воображению. В его огромных ручищах она всегда ощущала себя именно так – юной и соблазненной. И это привлекало, создавало некую иллюзию прекрасной порочности, красивого греха и возбуждало до безумия! В какие-то особо чувственные моменты она будто наблюдала за их интимным

греховным действием со стороны, и это тоже ее забавляло. И потом, этот его неповторимый не то стон, не то сдержанный звериный рык, как у Кинг-Конга из страшного фильма... Это же так было захватывающе! Так окрашивало ее правильную и скучную жизнь! И вовсе не потому, что с Лешиком в этом смысле у них что-то не получалось... Все у них было в порядке, не имела она к Лешику никаких претензий. Просто это было другое... Будто она в этот момент приподнимала завесу привычной правильности и заглядывала в ее изнанку – а как там все, если неправильно, если грешно и порочно? Интересно же... Я ведь только гляну, полюбопытствую, и все, и все... И вернусь в свою привычную правильность, и дальше в ней жить буду. И вовсе я этого зверя Веничку не люблю, я Лешика своего люблю...

А еще ей нравилось, как Веничка улыбается блаженно после всего, как ласково гладит ее по непослушным волосам. Будто благодарит молча. Благодарит и сдерживает в себе что-то... Хотя однажды он признался-таки, что и в самом деле с трудом держит себя в руках. Что в такие вроде бы умиротворенные минуты в нем поднимается жуткое первобытное желание разорвать ее на части или сжать в руках так, чтоб услышать, как ломаются ее рыбы косточки...

Она засмеялась тогда довольно. И проговорила торжествующе:

– Да это любовь, Веничка! Самая настоящая любовь – эта суть твоя природно-звериная!

Он посмотрел на нее странно, так, будто она своим восклицанием все испортила. Да она и сама поняла, что испортила... Потому что какая такая любовь может быть, нет никакой любви. Это ж Веничка – свободный художник. А она – замужняя женщина, мать семейства. И встречаются они просто потому... Потому... И не надо даже придумывать, почему! Лишний раз голову морочить себе не надо!

Выйдя из душа, она с трудом расчесала свои непослушные, падающие на лицо волосы, от чего они еще больше затопорщились над головой роскошной волнистой копной. Хотя копна эта долго в своей красоте не продержится – вся уйдет в спиральки, вольные-непослушные. Ну и пусть, Веничке так даже больше нравится! Как он говорит, у нее волосы цвета пшеницы после дождя: то ли рыжие, то ли темные, то ли золотые, не поймешь... Ладно, пусть будет так. Пшеница так пшеница... И где он ее видел-то, эту пшеницу после дождя? Коренной городской житель, художник-урбанист... И в деревне-то, наверное, отродясь не бывал!

И краситься она тоже не будет. Веничка говорит, что косметика в ее образе – лишнее звено, что сочетание угловато-женственной худобы и гривы прекрасных непослушных волос являет собой образец природной гармонии, а природа, как известно, лишнего вмешательства не терпит! Что ж... Пусть все будет так, как хочет Веничка!

Выпив большую чашку кофе и с удовольствием взглянув на себя последний раз в зеркало, Леся легко выпорхнула из

дома и медленно пошла в сторону кондитерской грациозной походкой манекенщицы, старательно выписывая ногами восьмерки и лихо впечатывая в горячий асфальт высокие каблуки модных босоножек. А вон и красная машина Венички уже стоит, ее дожидается...

* * *

– Леськ, у тебя что-то случилось, что ли? Ты какая-то другая сегодня...

– Какая – другая? – переспросила Леся, удивившись Веничкиному вопросу. Обычно он к ее настроениям большого любопытства не проявлял.

– А... Наверное, все еще в тоске своей пребываешь... Как давеча... Понятно...

– А ты помнишь, какая я была в прежнюю нашу встречу? Давеча, как ты изволил выразиться, было ровно месяц назад!

– Неужели месяц? Ого! Как быстро время летит! Я думал, только вчера виделись!

Вот в этом он весь и есть, Веничка! Она дни свои обидами считает, а он и не помнит, когда последний раз виделись!

Перевернувшись на спину и откинув со лба волосы, взглянула в склоненное над ней Веничкино лицо. Большие и влажные глаза его смотрели с такой неожиданной тревогой и заботой, что растерялась даже. Неужели он пожалел ее искренне? И неужели так плохи ее дела, что даже Веничка за-

метил эту тоску, съедавшую ее столько времени? Даже захотелось заплакать по-детски, захныкать, заскулить жалобно, прижаться к нему, пожаловаться... А только на что жаловаться-то? На что конкретно? Ведь нет ни одной веской причины...

Нет, не стоит, пожалуй. Веничка не поймет. Только произнесет что-нибудь обидное – мол, с жиру бесишься. Мол, все у тебя хорошо, не прибедняйся. И ведь будет прав, словочь такая... Все у нее хорошо, все как у всех, даже лучше, чем у всех! К тому же времена сейчас такие... Люди работу теряют, здоровье теряют, семьи рушатся, проблемы у всех растут, как грибы после дождя... Вон, тот же Веничка ни одной картины за все время этой дурацкой пандемии не продал, за аренду студии скоро заплатить нечем будет, да еще того и гляди творческий кризис от всех этих передраг может накрыть... А тут она со своей непонятной тоской, ага! Вы все в дерьме, а я вся такая непредсказуемая, такая внезапная вся!

Нет уж... Не станет она ему жаловаться. Будет изображать из себя легкость и звонкость, как и положено молодой любовнице.

– Есть хочу! – объявила она со смехом, легко вскакивая с постели. – Из-за того и настроение у меня плохое, что я голодная! А ты разве не знаешь, что даму надо сначала накормить, а потом уже в кроватку укладывать? Неужели мне тебе такие вещи объяснять надо, а, Веничка?

Потянулась, голышом прошла по студии, зная, что он наблюдает за ней с улыбкой. Да пусть наблюдает, жалко, что ли. Ему ж нравится. Она и сама себе в такие моменты ужасно нравилась – такая смелая, раскрепощенная, отчаянная...

И в студии у Венички ей все нравилось. Абсолютно все. И творческий беспорядок, и картины, покрытые мятыми холстинками, и запах красок, и даже несметное количество пустых бутылок в углу, и сам Веничка с его звериными инстинктами и человеческой добротой нравился! А особенно нравилось то, как соблазнительно она в его глазах выглядит...

– А я не понял... Ты в чем это меня обвиняешь, нахалка? Не ты ли три часа назад в ресторане огромную отбивную слопала? – нарочито возмущенно проговорил Веничка за ее спиной.

– Три часа – это много... За три часа можно еще сорок раз проголодаться! – небрежно махнула она в его сторону рукой. – Говорю же тебе – есть хочу, и все тут!

– Слушай, куда в тебя влезает-то? – снова притворно возмутился Веничка. – Хоть бы где какая жирилка завязалась ради приличия!

– И не говори! Не в коня овес! – звонко засмеялась Лесья. – Давай одевайся, поехали, поедим! У тебя ж тут все равно ничего нет, кроме выпивки! А потом в лес куда-нибудь съездим, на пикничок... Хорошо?

– Хорошо... А тебе разве домой не надо? Сегодня же вы-

ходной... Семья заждалась, наверное, когда блудная мамка нагуляется...

– Не-а. Не заждалась. Семья на весь день из города на дачу уехала.

– А ты почему не поехала?

– Не захотела... Я подругу вместо себя отправила. Таньку.

– Не понял... Как это – подругу отправила?

– А чему ты удивляешься, не пойму? Ну, отправила и отправила...

– Да нет, я не удивляюсь. Просто все это выглядит довольно странно, не находишь? С мужем в гости к свекрови подруга едет, а ты сама в это время – к любовнику... Ты что, мужа своего совсем не уважаешь, Лесь?

– Почему не уважаю? Он хороший... Меня все вполне устраивает.

– А его? Тоже устраивает?

– Ну что ты ко мне привязался, Веничка? Что тебе от меня нужно?

– Да ничего... Мне-то как раз ничего не нужно.

– Совсем-совсем ничего?

– Нет, ну почему... Я свободный мужчина, я иду на встречу своим и твоим желаниям, только и всего. А ты...

– Ну что я? Что? Договаривай, если начал!

– Ладно, не заводись... Все-таки ты ребенок еще, Леська. Эгоистичный ребенок. Делаешь близкому человеку подлость и даже не понимаешь этого. Совершенно искренне не пони-

маешь. Ну какой с тебя может быть спрос?

– То есть ты хочешь сказать, что я дура набитая?

– Нет, ты не дура... Ты довольно образованна, развита, читаешь много, мне с тобой интересно. А вот сознание у тебя еще совсем детское... Сама не думаешь, что творишь. Вот скажи, к примеру... Ты не боишься, что твоя эта подруга может оттеснить тебя от теплого местечка рядом с добрым покладистым мужем? Неужели у тебя этой опасливой женской чуйки нет?

Леся даже рассмеялась, глянув на Веничку с удивлением. И переспросила возмущенно:

– Кто? Танька? Мужа уведет? Да ты бы видел вообще эту Таньку, господи! Она ж тупая, она двух слов связать не может! Мне с ней даже поговорить не о чем!

– Тогда я совсем ничего не понимаю... Зачем ты тогда с ней дружишь, Лесь?

– Ну, так получилось... Это долгая история, в общем... А если коротко – Танька мне в наследство досталась. Избавиться от этого наследства трудно было, практически невозможно.

– Как это – в наследство?

– Да так... Танька ж сирота, в деревне выросла, в семье у тетки на побегушках. С трудом восьмилетку окончила, в школу почти не ходила. А потом деревенская тетка ее другой тетке передала, уже в город... Ну, чтобы та позаботилась о сироте, пристроила ее куда-нибудь, потому как в деревне

работу трудно найти. И теткой этой оказалась комендантша нашего студенческого общежития. Пристроила Таньку вахтером, поселила аккуратно в нашей комнате. Мы и не возражали, какая нам была разница, в общем? Все равно комната на четырех человек рассчитана, вот Танька и поселилась к нам четвертой. Помню, мы удивлялись поначалу, какая Танька была – совсем дикая... Так и звали ее – наша Маугли. Но не обижали, нет... Наоборот, старались помочь всячески. Девчонки в комнате все добрые подобрались, из хороших интеллигентных семей. Воспитанные, умненькие, начитанные. Носились с Танькой, чтоб не обидеть чем, чтобы она, не дай бог, разницы меж собой и нами не почувствовала... Иногда так старались, дурочки, что пытались даже под нее подстроиться. Мол, никакого различия промеж нас нет и не может быть, мы на одной ступени развития стоим. Ты не подумай о нас ничего плохого, Тань, ни боже мой...

– Ну а что тут удивительного? – задумчиво пожал плечами Веничка. – По-моему, это вполне нормально... Так обычно и поступает интеллигентный человек. Но если переборщить в старании... Тогда будет беда...

– Почему беда?

– Потому... Иногда такое слишком панибратское отношение начинать развращать того, кто на ступеньку ниже стоит. Он же, который ниже, все за чистую монету принимает. Если под него подстраиваются, значит, так и надо, и по-другому никак. А потом еще и обижаться начинает и мелко мстить...

– Точно! Все так и было с нашей Танькой! Она, знаешь, освоилась как-то быстро, покрикивать на нас начала. Жизни учить... И никто не мог ее на место поставить. Да и не хотели, в общем... Посмеивались тихонько в своем кругу, а чтобы в глаза ей сказать – ни-ни... После института девчонки разъехались по своим городам, а я замуж вышла за своего Лешика и Таньку в семью привела прицепом. Да ее уж и не отцепить было... Городская Танькина тетка-комендантша умерла, ей квартиру оставила. Живет теперь там одна... От одиночества у нас спасается. Вот и рассуждай теперь, кто мне есть Танька – подруга или ком с горы... Правда, она нас очень часто выручает, уж этого не отнимешь. И с Лизой всегда посидит, и за квартирой присмотрит, когда мы в отпуск уезжаем. Но ведь такие отношения тоже дружбой не назовешь, правда?

– Не знаю, что тебе и сказать, Лесь...

– Ну да. Я и сама не могу их конкретно определить. Но иногда так хочется взять да не открыть Таньке дверь... Ну вот что мне она? Кто мне она? С ней же скучно до ужаса, неинтересно! Она ведь так и осталась той самой деревенской девчонкой-маугли, с ней говорить не о чем! Хотя бы книжки какие читала, развивалась как-то, ведь нет... И даже воображения никакого нет, напрочь отсутствует. Знаешь, я часто думала раньше, как она во всей этой скудости живет? Какие мысли в голове бродят? Ведь бродят же какие-то? А потом поняла – нет там никаких мыслей. Она в основном за жиз-

нюю других наблюдает, этого ей хватает сполна.

— Ну да, все так и есть... — пожал плечами Веничка. — А чему ты удивляешься? Это ж понятно... Когда у человека свой внутренний мир не развит или совсем отсутствует, он вынужден обращать взор на мир внешний, внимательно смотреть за жизнью других. Причем так внимательно, что никакая мелочь этой чужой жизни от него не укроется, мышь не проскочит.

— Да... Танька, например, про всех моих соседей все знает. Я в этом доме уже десять лет живу и ничегошеньки ни про кого не знаю, мне неинтересно. А она все знает! Кто с кем живет, кто развелся, кто скоро и от кого родит... Еще и рассказывает обо всем вздохом, и глаза горят. И оценивает по-своему. И почти всегда злобно оценивает, с позиции своей сермяжной деревенской морали. Однажды сообщила мне, что соседка любовника себе завела. И тут же добавила — убить, мол, эту соседку мало. Мол, раздеть догола и за волосы протащить по улице, чтоб впредь неповадно было!

— Ого! А ты не боишься, что она и про тебя может так сказать? Ты ведь тоже вроде как... С любовником-то...

— Да не... Не посмеет, я думаю. Вообще-то она мне преданна. К тому же понимает, что если со мной поссорится, то и в дом к нам не придет больше.

— Ну-ну... Блажен, кто верует. Я бы на твоём месте побаивался.

— Слушай, хватит уже про Таньку, она мне и дома надоела!

Что нам, заняться нечем? Поедим, а потом ты обещал меня еще и на пикничок свозить! Вставай, хватит валяться!

Придя домой вечером, она долго и расслабленно отлеживалась в душистой ванне, закрыв глаза и изо всех сил убеждая себя, что она счастлива, ну абсолютно, ну совсем счастлива! И тоска ее – временное явление, скоро пройдет... Потому что причин для нее нет. Потому что все у нее есть – и дом, и семья, и достаток, и какая-никакая подруга, и любовник – все есть... Да и тоска ее – это предчувствие организма перед ежемесячно настигающим каждую молодую женщину синдромом, от которого никуда не денешься. Надо только перетерпеть – всего и делов-то...

А проснувшись воскресным поздним утром, она опять два часа лежала в постели, пялилась бесцельно в потолок, безуспешно уговаривая себя встать и заняться той тысячей накопившихся маленьких дел, на которые каждой уважающей себя женщине просто необходимо бывает потратить хотя бы половину своего выходного дня.

Вставать не хотелось, хоть убей. «Господи, да что это со мной? – в который уже раз подумалось ей со страхом. – Может, у меня нервная болезнь какая образовалась? Из-за чего мне так плохо-то? Может, и правда надо съездить куда-нибудь? Просто удрать от тоски?»

От одной мысли, что выходные уже почти прошли, что завтра утром хочешь не хочешь, а надо вставать и снова тащиться на работу, к горлу подступала противная тошнота,

будто предстояло ей завтра не красиво отсиживаться целый день на крутящемся кожаном стульчике за удобным офисным столом, а как минимум махать молотом на укладке рельсов и шпал в грубой оранжевой тужурке...

* * *

На работе своей Леся занималась тем, что не делала практически ничего. Так уж получилось, и первое время она очень радовалась такому безделью. Сидела за компьютером с умным видом, смотрела на суесящихся сослуживцев насмешливо – давайте, давайте, суетитесь, мне жалко, что ли? Сами ж меня к серьезному делу не привлекаете, потому я в собственном безделье не виновата!

Как оказалось потом, безделье это и было на самом деле очень тяжким трудом, поскольку в безделье время становится тягучим и невыносимым, и мучает чувство вины и неопределенности от этой дурацкой никчемности. Ты не хочешь, а оно все равно мучает! Сидит в подсознании, растет с каждым днем. Кто на работе не работает – тот знает... А кто много работает, тому эти страдания вовсе непонятны, ему и не объяснишь...

Устроил ее на это место Лешик, под крылышко к своему двоюродному брату Лене или Леониду Павловичу, директору фирмы «Система». И все кругом знали о том, что уважаемая Олеся Николаевна Ростовцева, экономист согласно

штатному расписанию, является ближайшей его родственницей, и относились к этому соответственно: кто-то перед Лесей заискивал, кто-то пытался дружить, а кто-то намеренно держался в сторонке по принципу – от начальства подальше, себе спокойнее. И заданий ей никаких не давали, и обязанностей у нее никаких не было. Деньги на зарплатную карту приходили исправно – чего еще желать? Сидит себе женщина и сидит, с интернетом забавляется – да и пусть себе. Жалко, что ли... А то, что эта женщина чувство вины испытывает, так ничего страшного, ее проблемы. Его ж глазами не видно, это чувство вины!

Может, так бы она и сидела еще много лет, если б не случилось то, что случилось. Два дня назад на место ушедшей на пенсию тишайшей Анны Николаевны, занимавшей должность начальника финансового отдела, Леня привел в фирму свою боевую подругу Марину, с которой Леся была знакома шапочно и даже обрадовалась сначала ее приходу, а потом быстро сникла, услышав случайно их с Леной разговор из приемной, куда забежала на минутку к секретарше Верочке.

– Леня, она же не экономист! Ты что, сам не видишь?! – возмущенно кричала Марина. – Мне экономист нужен, а она просто пустое место, и все! Нет, я понимаю, конечно, она твоя ближайшая родственница, тебя брат попросил... Но почему она должна чужое место занимать, скажи? Что мне с ней прикажешь делать? Я так работать не смогу, Леня! Это ж дискриминация остальных сотрудников получается!

– Да нет никакой дискриминации, они привыкли... – попытался оправдаться Ленья.

– Что значит – привыкли? Ты о чем говоришь сейчас? Может, и в самом деле привыкли, я не знаю, но я так работать не смогу!

– Ну, Мариночка, ну что ты так сердишься... – снова начал тихо оправдываться Ленья. – У нее образование как раз экономическое, они же с Лешкой один институт оканчивали! Ты ее натаскаешь маленько, она девочка сообразительная, будет работать. А?

– Да некогда мне ее натаскивать! – бушевала Марина. – И вообще... Почему она сразу нормально не работала, если образование есть? Почему так получилось, Ленья, не пойму? У тебя же полный бардак в документах, все цифры с потолка взяты! И при этом человек сидит, ничего не делает, зарплату получает! Ты что, не понимаешь, чем тебе это грозит? Мне срочно нужен толковый экономист, Ленья! Делай что хочешь! Иначе я у тебя работать не буду!

– Успокойся, Мариночка! Я что-нибудь придумаю, обещаю тебе... Ты же знаешь, как я тобой дорожу!

– Да, дорожишь ты... Однако от жены своей все равно не уходишь. Еще и меня в своих целях пытаешься использовать, чтобы я в твоей фирме порядок навела! А как его наведешь, этот порядок, когда у тебя такие безобразия творятся? Ну как, скажи?

– Да, ты права... Но я обязательно что-нибудь придумаю,

Мариночка, обещаю тебе!

– Вот и придумывай, и как можно скорее! Держишь серьезную фирму, а сам развел тут демократию пополам с семейственностью! Ну как не порадовать родному человечку, да?

– Но все ведь в твоих руках, Мариночка... Сделай из Леси хорошего специалиста, ты ведь это можешь!

– Да как это можно сделать, если человек сам не развивается, сам палец о палец ударить не хочет? Если б она хотела, давно бы чему-то научилась! А так... Я понимаю, Леня, ты очень добрый. Но иногда такая доброта просто вредит, она хуже преступления бывает. Вот и получилось, что твоя Леся – никчемный плохой специалист. А для меня плохой специалист – он уже не человек! Потому что каждый должен что-то конкретное уметь, это в его интересах! Что-то одно выбирать – или ты пустая звездюлька из инстаграма или тиктока, или хороший специалист, третьего не дано!

– И все же, Марина, прошу тебя... Не делай пока резких телодвижений в сторону Леси, а то мне перед Лешкой неудобно. Будем считать, что это моя личная к тебе просьба, ладно? Одна-единственная... А в остальном... Делай что хочешь, даю тебе полный карт-бланш!

Леся стояла, замерев, слушала, паниковала тихо. Похоже, закончилась ее спокойная жизнь, надо бежать отсюда. Это ж ясно, что Марина попросит ее на выход, потому лучше самой уйти вовремя, чтоб не усугублять... И в то же время зрел в душе какой-то протест, и даже была готова мысленно возра-

зить этой Марине, возмутиться даже... Ну да, мол, ты права, Мариночка, специалист я действительно хреновый, спорить не буду. Не знаю, какую цифру к какой присобачить, как отчет составить и как мыслить аналитически. Но я ж не виновата, что по дурости себе специальность выбрала, которая мне и неинтересна совсем! Что я тогда вообще понимала, когда после школы в институт поступала? Разве я умела тогда в себе разобраться, кто мне и что подсказал? Да если хочешь знать, у меня все так в жизни выходит – как бы случайно, как бы ненароком под ноги подкатывается... И образование случайным получилось, и замужество тоже – по глупому залету... И да, опыта у меня никакого нет, откуда ему было взяться-то? Сразу после института в декрет с Лизкой ушла и сидела с ней дома пять лет... Это у тебя ни мужа, ни котенка, ни ребенка – скачи себе резво по карьерной лестнице через две ступеньки! А я, значит, плохой специалист – уже и не человек! Ну и сволочь же ты, Мариночка... А еще в гости к нам с Лешиком приходила, и мы принимали тебя вполне душевно, жену Лёнину обманывали! Эх ты...

Жалость к себе накатила тугой волной, даже слезу из глаз вышибла. Вернулась из приемной, тихо села на свое место, подумала злобно – все вечером Лешику расскажу! И что Леня любовницу свою на фирму притащил – тоже...

Лешик к ее новостям отнесся, к удивлению, спокойно.
– Да не бери в голову, Лесь! Ну, привел в фирму Марину, и что? Он знает, что делает. Она девка умная, во всем раз-

берется.

– Да, Леш! Конечно, разберется! В первую очередь уволит меня, и все дела! Что мне, снова без работы дома сидеть?

– Да ничего она с тобой не сделает, успокойся! Она ж такая... Ей обязательно пошуметь надо, территорию свою обозначить, а дальше все устроится как-то, утрясется.

– Так она говорит, что ей хороший специалист на это место нужен...

– Да знаю я про твое место и знаю, что Марине от этого места нужно. Я ж неплохой аудитор, Лесь... Если нужно будет, сам приду, полную проверку отчетности проведу, все за тебя сделаю как надо, все бумаги представлю. Так что для Марины тоже в этом свой плюс есть – не надо будет аудитора приглашать. Успокойся, не нервничай. Ты и так в последнее время будто сама не в себе...

И она успокоилась. По-прежнему ходила на работу, и Марина ее не трогала. То есть вообще не замечала ее присутствия, смотрела в ее сторону пустыми злыми глазами. Неприятно было, конечно, хотя пережить можно.

И в этот понедельник тоже, казалось, все было как обычно. Пришла на работу, уселась за стол, включила компьютер. Потом взяла свою чашку, медленно направилась к кофемашине. И пока та урчала утробно, почувствовала спиной – нет, все не так, как обычно... Слишком выжидательная атмосфера кругом, будто должно произойти что-то. Вот Аня Белкина за соседним столом глянула на нее быстро и тут же

отвела взгляд, спряталась за монитором. И Лена Лаврова, с которой у нее были сдержанно-приятельские отношения, поздоровалась так сухо, будто остерегалась чего.

Значит, без нее тут прошла какая-то информация, которую уже обсудить успели. Про нее информация, понятное дело. Она даже разозлилась слегка – делать им больше нечего, что ли? Работать не могут, разворота действия ждут? Кровавых событий, отмщения и возмездия? Аз есть воздам? Каждому по труду, от каждого по способностям?

– Лесь, тебя шеф еще с утра спрашивал... – заглянула в дверь Верочка, выразительно мотнув головой в сторону приемной. – Давай быстрее, а то он уже сердиться начнет!

– Да, сейчас иду. Только кофе выпью...

Она с грациозной осторожностью донесла свою чашку до стола, уселась на стул, с вызовом закинула ногу на ногу. Вот так вот вам, ага! Думаете, я испугаюсь, что ли? Это же вы вскакиваете со своих мест и несетесь в кабинет к шефу как оголтелые, когда вас вызовут, а я буду кофе свой допивать спокойно... А вы сидите и ждите! Вы, специалисты-отличники, прекрасные добросовестные работники, завистливые и злые! Вы все хотели бы оказаться на моем месте, хотели бы с удовольствием променять свою старательную рабочую суету на мою расслабленную никчемность!

Наверное, Веничка, увидев ее сейчас, опять бы сказал, что она эгоистка. И что гордыни в ней много. И что она не права... Но разве она виновата в том, что все именно так сло-

жилось? Да и насчет гордыни... Еще неизвестно, у кого этой гордыни больше – у того, кто в данный момент злорадствует, или у того, кто навстречу плохим новостям должен идти...

Она уже не сомневалась, что новости будут плохие. Ровно через десять минут, допив кофе и грациозно соскользнув со своего крутящегося стула, пошла к двери, красиво закидывая в модельной походке ногу. Взмахнув для пущего эффекта шикарной гривой, с достоинством вышла из кабинета, аккуратно притворив за собой дверь.

– Чего звал? – спросила она, заходя к Лене и улыбаясь ему теплой родственной улыбкой. – Случилось что?

Леня глянул на нее коротко и отвел взгляд. Потом снял очки, положил их перед собой, сильно потер ладонями глаза, пробормотал тихо:

– Голова чего-то с утра болит, сил нет... Может, сегодня магнитная буря какая, ты часом не слышала?

– Нет. Не слышала. Я в магнитные бури не верю. Говори, Лень, чего звал, не стесняйся. Уволить меня хочешь, да?

– Ну почему сразу уволить... Нет, Лесь, нет... Но ты понимаешь, тут такое дело... Обстоятельства так складываются... Ты понимаешь...

– Понимаю, Лень. И даже имя этим обстоятельствам знаю. Мариной их зовут, правильно?

– Да при чем здесь Марина...

– При том, Лень, при том. Я случайно услышала ваш разговор, уж извини, так получилось. И знаешь, я очень хочу

тебя спросить, мне очень интересно... Твоя Оля знает, что ты свою любовницу в фирму привел?

– А вот это уже мое дело, Лесь! Вот не надо мне...

– Да я понимаю, что не надо. Просто мне удивительно...

Как ты так неосторожен-то, а? Ведь с огнем играешь, ей-богу!

– А ты что, вздумала меня шантажировать, что ли?

– Да брось... Как тебе в голову такое пришло? Нет, конечно. Просто... Тебе Олю свою не жалко? Сколько лет уже ты ее обманываешь, а?

– А ты, Лесь? Тебе своего Лешу не жалко?

Она опешила, даже слегка отступила от неожиданности. А Леня, воспользовавшись ее замешательством, проговорил быстро:

– Может, я тебя пока переведу к менеджерам, а? Там работа такая интересная, творческая... И коллектив хороший, ребята молодые...

– Нет! – неожиданно для самой себя резко произнесла Лесья. – Нет, я не хочу...

– Ну мало ли, чего ты хочешь, чего не хочешь... – поднял на нее удивленные и даже слегка возмущенные глаза Леня. – Я ведь не увольняю тебя, сама понимаешь... Просто так для всех лучше будет, Лесь.

– Для кого – для всех? Для Марины? Для тебя?

– В первую очередь для тебя!

– И чем это для меня лучше? Какой из меня менеджер,

Лень?

– И правда. Никакой. Но ведь и экономист тоже никакой... Так какая тебе тогда разница?

– Ты... Ты сейчас обидеть меня хочешь, да?

– Ну почему сразу обидеть... По-моему, ты сама себя хорошо обижаешь, находясь в этой ситуации. Разве не так? Пора бы тебе хоть чему-то дельному научиться, Марина права. Иначе сама себя погубишь. Неужели ты этого не понимаешь, а?

Вот что она могла ему ответить? Что и впрямь сама про себя все понимает? Что и без того последние дни пребывает в ужасной тоске? Что даже ее любовник, который с ней кроме любви говорить больше ни о чем не должен, тоже все время пугает ее темным временем для души? Что еще немного, и... Даже думать страшно, во что превратится это многообразие!

– Хорошо, Лень... Я согласна. Только... Сначала дай мне отпуск, пожалуйста. На две недели. А потом уже видно будет... Может, я вообще после отпуска сюда не вернусь.

– Отпуск? А ты что, не насиделась дома во время весеннего локдауна? Или съездить куда-то хочешь, развеяться?

– Да, хочу. Именно так, развеяться. Так дашь отпуск или нет?

– Да ради бога, Лесь! С отпуском ты это и впрямь хорошо придумала! – расплылся Лень в радостной улыбке. – Съездишь куда-нибудь, а потом с новыми, так сказать, силами

приступишь к новой должности! Интересной и неизведанной! А всем мы объявим, что ты сама в менеджеры попросилась, поэтому и пришлось нам срочно нового экономиста искать...

– Ну-ну... – саркастически улыбаясь, кивнула Леся. – Круто принялась за работу Мариночка, ничего не скажешь! И за работу, и за тебя тоже...

– Лесь, не надо! Ну что ты опять? Это уже наше с ней дело! Иди и оформляй отпуск! Иди, иди, мне совещание пора начинать... – решительно отправил он ее из кабинета, едва сдерживая раздражение. – И завтра уже можешь не выходить, отдыхай на здоровье...

Уже через полчаса, подписав заявление на отпуск, она вышла из офиса и направилась в ближайшее туристическое агентство, по пути соображая, куда бы ей срочно уехать. Почему-то хотелось именно так – срочно. Чтобы ни дня больше дома не задерживаться. Так и зудело что-то внутри нетерпением – уехать, уехать!

Ей повезло – будто ждала ее горящая путевка в сочинский санаторий, от которой кто-то в этот день отказался. И вылетать надо уже завтра... Осталось за вечер только чемодан собрать!

Что она и делала вечером очень сосредоточенно. Даже Лешика не слушала особо, что он там ей говорил... А что он мог говорить – и без того было ясно. Про то и говорил, что она хорошо отдохнет, что нервишки подлечит, которые в по-

следнее время расшатались, что они с Лизочкой и без нее хорошо справятся, а если будут какие-то трудности, то верная Таня всегда поможет... И что работать менеджером в фирме у Лени тоже не так уж плохо, пусть она ничего не боится. Работа как работа, не хуже других. Вон, Таня приемщицей в химчистке работает, и ничего, ей нравится...

Она подняла голову, посмотрела на него зло – при чем тут Танина химчистка? Ты еще с уборщицей, которая у нас на лестничной клетке убирает, меня сравни! Но говорить ничего не стала, лишь пробурчала себе под нос:

– Жалко, что одноместный номер мне не достался, только двухместный... Это значит, еще и подселить могут бог знает кого...

– Да все будет хорошо, Лесь, не переживай! Отдыхай спокойно.

– Я не переживаю, Лешик. Все хорошо. Просто мне очень нужно куда-то уехать...

Хотела еще что-то сказать, но вместо этого чуть не расплакалась. Махнула рукой, ушла в ванную, оставив мужа в полной растерянности. Уже в ванной услышала, как в дверь позвонили, как из комнаты прилетел Танькин голос – опять приперлась, зараза! Конечно, куда ж мы без Таньки-то? Наш пострел везде поспел!

Рано утром Лешик отвез ее в аэропорт. Махнув на прощанье рукой, она вошла в зону вылета, тем самым будто разом отгородив себя от него. От его доброты и покладистости, от

любви, от чувства своей вины, что не ценит по-настоящему это счастье... Конечно, дура она, что не ценит. И тем не менее – так хочется от всего этого счастья вдали побыть!

* * *

Сочи... Сочи! Как же она любила этот город, с детства любила. Каждое лето, помнится, отец отправлял их с мамой в военный санаторий, и они отдыхали там подолгу, и даже надоедало слегка, и домой ужасно хотелось. А потом они с Лешиком в Турцию начали ездить, в Таиланд, еще куда-то... И сочинская атмосфера уже подзабылась, и вот теперь оказалась актуальной на фоне таких неожиданных для всех событий. И хорошо, наверное. И потому – здравствуй, Сочи, город летнего беззаботного детства! Может, излечишь мою заболевшую непонятной тоской душеньку, прикоснешься к ней морской волной, огладишь солнышком? Хотя, может, я и не заслужила, не о том прошу... Люди сюда едут от усталости освободиться, отдохнуть от тяжких жизненных забот, а у меня, получается, ни того, ни другого нет... Ни усталости, ни тяжких забот...

Ну да ладно. Надо сначала до места добраться, осмотреться. С удовольствием вдыхая вкусный, пахнущий привядшими от зноя розами воздух, Леся села в машину к нарочито доброжелательному дядьке-таксисту и, подставив лицо упругому южному ветру и высунув в окно маленькую ладошку,

отдалась положенным на дорогу до ее санатория сорока минутам быстрой езды. Из магнитолы неслись веселые песенки четырех красивых девочек из некогда популярной группы, бездумно и завлекательно поющих про «бананы, кокосы, апельсиновый рай...». Наверное, дядьке-таксисту они очень нравились, или вспомнил под их песенки что-то свое, лично приятное – вон как довольню улыбается! И головой двигает в такт, и даже подпевать что-то пытается. Смешной какой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.